

Д.В. Григорович

**Полное собрание
сочинений**

Том 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г83

Г83 **Григорович Д.В.**
Полное собрание сочинений: Том 10 / Д.В. Григорович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 418 с.

ISBN 978-5-517-99009-9

Повести, очерки, отрывки и статьи о искусстве 1863–1889 гг.

ISBN 978-5-517-99009-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Р Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1884. Алексѣй Чemezovъ. Недолгое счастье. Повѣсть . . .	1
1885. Карьеристъ. Очеркъ	68
1885. Акробаты благотворительности. Повѣсть	76
1887. Сонъ Карелвна. Отрывокъ изъ романа «Петербургъ прошлаго времени»	203
1889. Не по хорошу милъ,—по милу хорошъ.	234
<hr/>	
1863. Картины англійскихъ живописцевъ на выставкахъ 1862 года въ Лондонѣ	295
1867. Художественное образованіе въ приложеніи къ про- мышленности на всемірной Парижской выставкѣ 1867 года	364

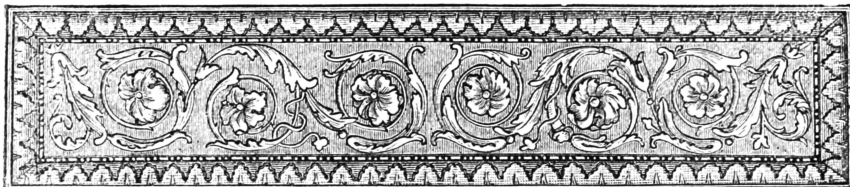
ПОВѢСТИ, ОЧЕРКИ,

ОТРЫВКИ

И

СТАТЬИ О ХУДОЖЕСТВѢ.

1863 — 1889 гг.

АЛЕКСѢЙ ЧЕМЕЗОВЪ

(НЕДОЛГОЕ СЧАСТЬЕ).

I.

Въ первой половинѣ сентября, два чиновника,—Ефремовъ и Соципѣровъ, возвращаясь домой изъ департамента, проходили по средней, главной аллеѣ Лѣтняго сада.

Садъ казался совершенно пустымъ. Чиновники, не стѣняясь, громко разговаривали, разсѣянно поглядывая на деревья; ихъ мало, повидимому, занимало дѣйствіе осени, которая между тѣмъ на всемъ уже сильно чувствовалась.

Деревья стояли наполовину обнаженными; верхушки ихъ, совсѣмъ голыя, уныло чернѣли на сѣромъ небѣ съ двигающимися дождевыми тучами. Въ нижней части оставалась еще кое-гдѣ зелень; но и ее повсюду донималъ желтый листъ, смотрѣвшій, въ свою очередь, сморщеннымъ, раскислымъ, мѣстами тронутымъ точно ржавчиной; онъ отпадалъ безжизненно при малѣйшемъ колебаніи воздуха. Вокругъ все было тускло, сыро, непривѣтливо. Единственнымъ свѣтлымъ пятномъ выставилось со стороны Царицына луга мокрое шоссе; выдѣляясь бѣловатой, грязно-серебристой полосой, оно рѣзко било въ глаза между стволами старыхъ липъ, почернѣвшихъ отъ дождей; по шоссе тащился, сильно надавливая щебенку, возъ, навьюченный домашнимъ скрабомъ запоздавашаго дачника. Дальнѣйшіе предметы принимали неопредѣленный обликъ, уходили въ сырую, липкую мглу, не-

пріятно проникавшю въ бакенбарды и осыпавшю одежду влажной пылью.

Словомъ, наступала та пора, когда жизнь снова переливается въ городъ, когда окрестность гложетъ и вымираетъ, дачи уныло посматриваютъ своими заколоченными ставнями на клумбы съ повалившимися и почернѣвшими георгинами, — когда коренной житель Петербургской стороны, вставъ утромъ и взглянувъ въ окно, дребезжащее отъ мелкаго дождя и вѣтра, обращается къ женѣ и говоритъ ей: „Ну, душенька, дождались: пошла теперь эта кислота!...“

Но возвратимся къ Ефремову и Социперову, продолжающимъ отпечатывать подошвы на сырой дорогѣ Лѣтняго сада.

— Скажи мнѣ намилость, что же дешево въ Петербургѣ? — Все дорого! говорилъ Ефремовъ, очевидно, продолжая начатый разговоръ, — видишь: хожу до сихъ поръ въ какой покрывшкѣ! прибавилъ онъ, сымая плетенную изъ цвѣтной соломы шляпу, причемъ на головѣ его дыбомъ поднялась туча сухихъ волосъ цвѣта перца съ солью, — собирался вчера купить картузь: — семь рублей! Приступу ни къ чему нѣтъ! Все дорого! Что у насъ дешево?...

— Ну, теперь пошелъ!.. Пошелъ, — благо попалъ опять на любимую точку, перебилъ Социперовъ, — человекъ также съ просѣдью, но завистливаго, сухощаво-желчнаго вида и постоянно кусавшій ногти, даже когда стоялъ во время доклада за стуломъ директора.

Наружность Ефремова представляла совершенно противоположный типъ, и внѣшность вполнѣ отвѣчала характеру.

Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, рослый, тучный, съ лицомъ круглымъ какъ полный мѣсяцъ, но, вопреки сходству, отражавшимъ не меланхолю, а веселость, свѣжесть и здоровье. Ребенкомъ онъ былъ, безъ сомнѣнiя, то, что называютъ: кровъ съ молокомъ. Къ выраженiю веселости прибавляли въ значительной степени: вздернутый коротенькiй носъ, разсѣченный на кончикѣ, большiе сѣрые глаза на выкатѣ какъ у лягушки и безпечная, размашистая походка, сообщавшая его животу безпокойное колебанiе изъ стороны въ сторону. Двигая на ходу толстыми руками, Ефремовъ никогда, повидимому, не довольствовался числомъ прiятныхъ собесѣдниковъ, но всегда какъ бы порывался впередъ и выпучивалъ глаза, стараясь прiискать новаго

весельчака. Когда таковой показывался, лицо Ефремова вдвойнѣ начинало сіять отъ удовольствія, одышка усиливалась отъ нетерпѣнія, голосъ хрипѣлъ, какъ труба старой шарманки передѣ началомъ арія, и толстыя его губы заблаговременно складывались подушечкой, приготовляясь къ сочнымъ поцѣлуямъ; онъ цѣловалъ обыкновенно въ засосъ, крѣпко нажимая въ обѣ щеки, неизбежно влѣплялъ всегда три поцѣлуя,—мало озабочиваясь тѣмъ, правилось иль нѣтъ такое выразительное изъясненіе радостныхъ чувствъ.

— Толкуй, потѣшайся! продолжалъ Соципéровъ,—какъ ни дешево, по твоему, эти статскіе и дѣйствительные, нѣтъ однакожъ города въ цѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы они имѣли столько значенія!.. Да, любезнѣйшій, сколько ни вертись, сила въ нихъ и ни въ комъ другомъ;—сила такъ сказать: роевая, стихійная! За что ни возьмись, куда ни сунься, вездѣ ихъ найдешь: сверху, снизу, съ боковъ...

— Даже носомъ тянешь вмѣстѣ съ воздухомъ! слышишь: гарью пахнетъ! смѣясь перебилъ Ефремовъ, опаживая шляпой лицо, раскраснѣвшееся какъ въ іюль.

Онъ самодовольно тряхнулъ крутыми плечами, вынулъ изъ боковаго кармана лопнувшую кожаную сигарочницу съ вытѣзающими отовсюду толстыми папирсами и, подавая одну изъ нихъ товарищу, спросилъ:

— Хочешь исходящую?..

— Спасибо; только что курилъ, отвѣчалъ тотъ, раздраженно кусая ногти.

Ефремовъ втянулъ въ себя цѣлое облако дыма, подержалъ его между выпученными щеками, плотно сжавъ губы, и продолжалъ, выпуская дымъ подъ носъ маленькими струйками:

— На всё твои доводы скажу, братецъ, слѣдующее: кому какъ! Для меня, напримѣръ, чинъ дѣйствительнаго—то же, что петля на шею... Постой, Семенъ Семеновичъ, не перебивай, дай сказать:—именно петля! Надвяхъ еще директоръ говоритъ мнѣ: „Воля ваша, Петръ Никаноровичъ, такъ невозможно; вы, говорить, одиннадцать лѣтъ сидите безъ производства; что-жъ, наконецъ, другіе скажутъ?..“ — „Христомъ Богомъ, говорю, оставьте меня, ваше превосходительство, на прежнемъ положеніи; отъ этого, говорю, зависить судьба семейства!“ — „Съ вами, говорю, ничего, видно, не подѣлаешь, — оставайтесь, коли такая

охота!...“ И въ самомъ дѣлѣ, вникни: теперь я секретарь; мѣсто штатное; кромѣ жалованья по окладу, получаю изъ остаточныхъ суммъ добавочныя, квартирныя, выдають на воспитаніе дѣтей. Произведутъ въ дѣйствительныя, съ того дня: тютю секретарство! Скажутъ: „Нѣтъ, братъ, шутишь, не по чину; ступай къ тѣтевкѣ!“ — Куда, спросятъ, дѣвать новаго генерала? — „Валяй его въ заштатныя!“ Съ протекціей причислятъ тебя къ какой нибудь комиссіи... для сокращенія комиссій... Простись тогда, душка Петръ Никаноровичъ, съ окладомъ и другими блезирами изъ остаточныхъ! — „Нѣтъ, скажутъ, здѣсь не полагается!“ Вотъ тебѣ и выгода вся отъ вашего превосходительства!

— Я касался не только по служебнымъ отношеніямъ; я главнымъ образомъ говорилъ о значеніи чина въ общественномъ смыслѣ...

— Въ общественномъ! Скажите, какая невидаль!

— Глумись! Глумись!... Фактъ тотъ однакожь, что дѣйствительный представляетъ нѣчто въ самомъ дѣлѣ дѣйствительно-существующее, тогда какъ безъ этого предоставляется развѣ только право на существованіе...

— Существуя однакожь, видишь!.. произнесъ Ефремовъ, выпучиваясь на ходу и похлопывая по животу, который загудѣлъ при этомъ, какъ пустая бочка, — съ однимъ развѣ можно согласиться; очень ужъ лестно: до дѣйствительнаго живешь такъ себѣ, хлѣбъ жуешь, какъ мы теперь грѣшныя; — ну, а какъ произведутъ, — съ того самаго дня начнешь считать себя умнѣе другихъ! „Мелюзга, значитъ, всѣ остальные!...“ Что-жь, наконецъ, скажи намилость: неужто въ самомъ дѣлѣ тебѣ такъ ужъ этого хочется? спросилъ онъ, насмѣшливо поглядывая на товарища. Знаешь что? подхватилъ онъ, не дождавшись отвѣта, прибѣгни въ извѣстному способу, вѣрниѣ нѣтъ: насаливай всѣмъ и каждому!

— Хорошъ способъ, нечего сказать...

— А что-жь — дурень? Повторяю: нѣтъ его вѣрниѣ! Когда надошь до тошноты, — такъ надошь, что не будутъ знать, что съ тобою дѣлать, — непременно произведутъ... чтобы скорѣе отдѣлаться; безъ особой протекціи позаботятся даже перевести въ другое вѣдомство... Такъ сдѣлалъ Худосокинъ; такъ сдѣлалъ Чирковъ и Вафлинъ: всѣ теперь дѣйствительныя!

Соципéровъ не обижался выходками Ефремова, потому что

никто этого не дѣлалъ въ департаментѣ, по привычкѣ считать Ефремова малымъ хотя и распущеннымъ, но въ сущности добрякомъ и забавникомъ. Глядя, однакожь, съ какимъ увлеченіемъ кусалъ онъ ногти, можно было думать, разговоръ съ сослуживцемъ задѣлывалъ чувствительное мѣсто его тайныхъ побужденій. Грызть ногти было потребностью, выразившей внутреннее состояніе его духа, безпокойно и постоянно съѣдаемаго завистью. Впню всему былъ младшій братъ Соципéroва, сдѣлавшій неожиданно видную карьеру. Послѣднее произошло слѣдующимъ образомъ: тогдашній министръ, подписывая бумаги, имѣлъ привычку оканчивать подпись красивымъ завиткомъ. Сдѣлавъ, однажды, такой завитокъ и какъ бы полюбовавшись имъ, министръ обратился съ пріятной улыбкой къ директору и сказалъ: „quelle belle plume!..“ Перо въ тотъ разъ чинилъ регистраторъ Соципéровъ младшій. Его немедленно приставили спеціально къ такой должности. Когда министръ поѣхалъ дѣлать обзоръ по Россіи, — Соципéровъ находился уже въ числѣ сопровождающихъ. Зимой, послѣ того какъ онъ у камердинера министра окрестилъ сына, — его еще замѣтнѣе выдвинули; вскорѣ онъ сдѣлался необходимымъ лицомъ; ему давали разныя домашнія порученія; жена министра послала его въ кондитерскую за буль-де-гомами для дѣтей. Два года спустя, министръ поручилъ ему осмотрѣть и обревизовать контору собственнаго имѣнія. Съ тѣхъ поръ и пошло, и пошло — чѣмъ дальше, тѣмъ успѣшнѣе. Теперь Соципéровъ младшій былъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и дѣлательно хлопоталъ о придворномъ званіи, которое, по его мнѣнію, должно было окончательно установить его въ избранномъ обществѣ. Соципéровъ старшій, испытавъ бесполезность прибѣгать къ протекціи брата, ненасытность котораго сравнивалъ всегда съ аравійскимъ пескомъ: „сколько въ него не лей, — все мало“, — пускался летать на собственныхъ крыльяхъ; онъ пробовалъ втираться въ разныя благотворительныя общества, имѣя передъ глазами разительныя примѣры скорого выдвиганія на этомъ выгодномъ поприщѣ; пробовалъ даже сдѣлаться членомъ комитета спротскаго училища, учрежденнаго спеціально съ цѣлью доставлять членамъ случай ходить съ докладомъ къ вліятельнымъ сановникамъ и черезъ нихъ пробиваться къ высшимъ должностямъ, — ничего не помогало. Онъ, очевидно, или не нравился дамамъ - помечительницамъ, или просто не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, угождать и поддѣлываться,

что — мимоходомъ сказать — совсѣмъ происходило противъ его воли.

Его вообще не долюбляли въ департаментѣ. Одинъ Ефремовъ сходилъ съ нимъ чаще другихъ и то потому больше, что рѣшительно не понималъ, чтобы можно было когонибудь особенно любить или не любить.

Въ глазахъ Ефремова, — какъ самъ онъ выражался: „всѣ одинаково не стоили кошачьяго хвоста передъ добрымъ кускомъ кулебаки съ сижкомъ и визигой, благородной бутылкой вина и честной сигаркой!“ Ефремовъ принадлежалъ къ числу чиновниковъ случайныхъ, попавшихъ на службу потому, что въ данную минуту не оказалось другаго поприща къ существованію, и оставшихся на мѣстѣ частью по привычливости нрава, частью по лѣни. Сѣлъ, такъ ужъ скучно какъ-то передвигаться. Онъ опредѣлился въ департаментъ по выходѣ изъ университета, вскорѣ женился, — женился, какъ самъ говорилъ: „не зная для какого лысаго бѣса“, — и прижилъ, тѣмъ не менѣе, цѣлую ораву дѣтей. Но семья и департаментъ никогда собственно не были прямою цѣлью его жизни; то и другое осуществляло горькую необходимость. Цѣлью жизни Ефремова были: закуска, трактиръ, веселая компанія.

Всѣмъ возможнымъ статскимъ и другимъ совѣтникамъ предпочиталъ онъ кружокъ мелкихъ актеровъ, художниковъ и другихъ незатѣйливыхъ, но безцеремонныхъ и разбитныхъ, веселыхъ малыхъ. Онъ никогда не колебался между необходимостью заказать новое пальто или отдать послѣднія деньги за членскій билетъ въ купеческій клубъ — гдѣ по его словамъ: „готовили острину съ оливками и грибной подливкой, какъ нигдѣ во всей вселенной!“ Отправляя въ департаментѣ служебныя обязанности, онъ неожиданно подходилъ то къ тому, то къ другому изъ товарищей и, чмокая сластолюбивыми губами, сообщалъ, таинственно припадая къ уху: „Приходи-ка, батенька, сегодня въ Малый Ярославецъ; сегодня борщъ съ потрохами и ватрушки!...“ Или вдругъ отрывался отъ дѣловой бумаги, дѣлая такое замѣчаніе: „Вчера, господа, мнѣ подали у Палкина бифштексъ; повѣрите ли, вотъ: подушка! страсть просто!...“ Онъ обижался, когда въ такихъ случаяхъ начинали надъ нимъ подшучивать, — хотя, надо сказать, никогда ни на комъ не срывалъ сердца; онъ отходилъ только съ разочарованнымъ видомъ и задумчиво принимался читать какойнибудь докладъ.